

Весь мир в кармане

Собеседник – **Александр ПИГАЛЕВ**, заведующий кафедрой культурологии и истории философии факультета философии и социальных технологий ВолГУ.

На первые три недели прошедшего лета пришлось моя рабочая поездка в один из старейших университетов мира, основанных еще в Средневековье, – Сорбонну (историческое название Парижского университета). В рамках договора о сотрудничестве, который существует между ВолГУ и французским вузом, наши преподаватели могут читать там лекции, как и преподаватели Сорбонны в ВолГУ. Современная Сорбонна – объединение нескольких юридически самостоятельных университетов. Каждый из них имеет собственную специализацию. Я преподавал в университете Париж I Сорбонна-Пантеон, философский факультет которого расположен в историческом здании в Латинском квартале. Здесь сосредоточены десятки учебных заведений. Конечно, ничего средневекового в этом здании уже не осталось, ведь оно было построено в девятнадцатом веке. Однако эта «новая» и очень сложная планировка поставила меня в некоторое затруднение. «Непосвященному» без провожатого трудно разобраться в ее лабиринтах. А вот тихий и уютный внутренний дворик, где находится памятник Виктору Гюго, мне очень понравился. Там словно чувствуешь дыхание Истории. Даже в наши дни Сорбонна не изменяет своим традициям обучения. Они являются особенной гордостью университета. Система преподавания мало изменилась со средних веков. Ее главная особенность в отсутствии привычного русскому студенту чередования лекций и семинаров. Главное для студента – работа с текстом. Учащиеся могут целый семестр штудировать, например, «Исповедь» Блаженного Августина, а затем сдавать по этой книге экзамен. Даже чтение лекции несколько напоминает средневековье. Профессор будет просто читать студентам определенный текст. Затем происходит обсуждение прочитанного. Несмотря на кажущуюся архаичность, такая методика не лишена смысла. Она позволяет студенту получить хорошее базовое образование. А вот развитие творческих навыков полностью зависит от учащегося. Такой консерватизм проявляется не только в способе преподавания. Сорбонна, в частности, настороженно относится к новейшим течениям философской науки, например, к постмодернизму. Творчество мыслителей, которые считаются цветом современной французской философии, – Жан-Поля Сартра, Мишеля Фуко и многих других – в этом университете считается далеким от классики, несколько беллетризованным. Прямой противоположностью Сорбонны является расположенная неподалеку Высшая нормальная школа. Здесь обучались и обучаются представители французской интеллектуальной элиты, например, известный ученый Луи Пастер, те философы, которых не очень жалует Сорбонна, математики, физики и другие. Название этого вуза подчеркнуто скромно, но фактически это педагогический институт. Кстати, ее выпускники не получают диплома, настолько высока репутация этого заведения, и настолько небольшое число студентов там обучается. Достаточно заявить: «Я выпускник Высшей нормальной школы», – и этим все сказано, и все легко проверяется.

Принятая в ней система преподавания во многом похожа на ту, что действует в российских университетах – те же лекции, семинары. Французским студентам я должен был читать спецкурс «Русская религиозная философия Серебряного века». Преподавание должно было вестись на демократичном английском языке. Дело в том, что в Сорбонне иностранные студенты обучаются вместе с французами. По мнению руководства, такое смешение положительно действует и на тех, и на других. К сожалению, время моего преподавания пришлось как раз на сессионный период, поэтому объем лекций пришлось несколько сократить. Тем не менее, поездка на родину Просвещения оказалась весьма плодотворной. Недостаток общения со студентами сполна компенсировался встречами с французскими коллегами, работой в библиотеках и прогулками по Парижу. В частности, у меня была интересная встреча с деканом факультета философии госпожой Анник Жолен. В уютном профессорском кафе (деловые встречи французы любят совмещать с едой) мы обсуждали с ней возможность издания совместного сборника по исследованиям философской традиции Франции и России. Сейчас эти планы находятся в стадии разработки. Другой примечательной встречей можно назвать заседание кружка, занимающегося проблемами русской философии. Он действует при Школе высших исследований в Париже, которая была специально создана для таких ученых, как Клод Леви-Стросс, Фернан Бродель. В ней обучаются только аспиранты. Заседание, на которое меня пригласили, посвящалось творчеству известного русского филолога и философа Михаила Бахтина. Имя этого ученого сейчас объединяет российскую и западную научную мысль. Его труды стали своеобразным научным «эсперанто». Любопытно, что в этот кружок входят не только потомки выходцев из России, но и коренные французы. Они хорошо знакомы с современной наукой в нашей стране. Например, одна из докладчиц, французенка, ссылалась на недавно вышедшие у нас книги. Приятно отметить, что во Франции ощущается прочная культурная связь с Россией. Не обошлось и без курьезных вопросов. Некоторых моих коллег удивило, что у нас свободно издаются и изучаются труды современных мировых философов, таких, как Мартин Хайдеггер или Жиль Делез. Все-таки западные жители еще не совсем освободились от стереотипного представления о строгом режиме и цензуре в нашей стране. Поэтому их приятно удивило, что в России философия не испытывает больше каких-либо ограничений. Можно сказать, что интерес к философии во Франции – национальная черта. Сейчас здесь регулярно проводится «конкурс» новых книг, посвященных именно этой науке. Вообще в этой стране очень уважают представителей интеллектуальных профессий. Примечательным было и то место, где я жил. Это университетский городок на южной окраине Парижа. Расположен он практически в лесопарковой зоне, поэтому там очень тихо, воздух всегда свежий. Он занимает довольно большую площадь и застроен различными корпусами, где живут студенты и университетские работники. Каждое жилое здание носит название фонда, который его построил. Здесь есть британский, камбоджийский, немецкий и другие корпуса. Каждый из них имеет какие-то архитектурные нюансы.

Например, британский выстроен в псевдоготическом стиле из красного кирпича, немецкий – из стекла и бетона. К сожалению, русского корпуса там нет, поэтому меня поселили в одном из первых построенных тут зданий. В этом городке можно жить, не выходя за его пределы, здесь есть все необходимое – и магазины, и студенческий ресторан, и теннисные корты, и футбольное поле, а также изумительные зеленые лужайки для отдыха. Значительное количество своего времени я отдавал знакомству с Парижем. Пешая прогулка – самый лучший, хотя и несколько утомительный, способ передвижения по этому городу, так много интересного здесь можно увидеть. Из всех достопримечательностей мне больше всего понравилась шумная, многоязыкая площадь возле собора Notre dame de Paris. Мне случалось услышать здесь и русскую речь. А вот с парижским метро у меня было связано несколько неожиданностей. У него очень сложная система – если не ошибаюсь, четырнадцать линий с запутанными переходами. Добавьте к этому то, что названия остановок не всегда объявляются, и вы поймете, насколько трудно там ориентироваться. Карточку, дающую право на проезд в парижском метро, нужно «предъявлять» автомату не только на входе, но и на выходе со станции. Иногда почему-то он не принимал ее, в таком случае сперва приходилось покупать новую, чтобы оказаться на свободе. Видимо, это не только «мистика» чужого города, но и моя неопытность. Замечу, что даже небольшое пространство, на котором едва умещаются две лавочки, парижане считают площадью. И часто дают ей какое-нибудь звучное имя. За время своих прогулок я настолько разобрался в парижской топографии, что однажды даже объяснил какому-то прохожему, как ему лучше добраться до нужного места. Естественно, весь Париж пешком не обойдешь. Поэтому я совершал и автобусные экскурсии. Есть специальные туристические автобусы, которые курсируют по кольцевому маршруту. Один билет дает право пользоваться ими в течение трех дней. Можно доехать, например, до Елисейских полей, погулять там, а на следующем автобусе добраться до другого интересного места. Одним из самых приятных воспоминаний об этой поездке останется природная вежливость и тактичность французов. Эта атмосфера всеобщего радушия очень заразительна. По возвращении в Москве мне кто-то нагрубил, а я по привычке ответил что-то вроде «спасибо», чуть не добавив «месье». Что поделаться, от хорошего трудно отвыкнуть.

Пашутинская Елена

Пашутинская Е. Французы «болеют» философией и хронической вежливостью. Последней не мешало бы «заразиться» и русским: [беседа с заведующим кафедрой культурологии и истории философии ВолГУ Александром Пигалевым] // Новые деловые вести. -2004. - N 49 (283). - 25 дек. - С. 8.